

УРАЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ В ДЕКАБРЕ 1923 – ЯНВАРЕ 1934 ГГ.: ЖИЗНЬ И СУДЬБА – ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ

М.А. Фельдман^{1а}

^аРоссийская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

В статье на основе анализа архивных и опубликованных источников сделаны выводы о результатах создания Уральской области в рамках реформы административно-территориального деления в СССР в 1923–1930 гг. Десятилетний период существования Уральской области (декабрь 1923 – январь 1934 гг.) стал временем эксперимента по модернизации экономики в формате планомерного пространственного размещения промышленности.

Показана роль и значение первого в СССР «Генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.», нацеленного на комплексное развитие региона и на строительство заводокомбинатов на основании рационального использования сырья и полуфабрикатов во всех основных отраслях уральской экономики, даже с учетом того, что черная металлургия оставалась доминантой проекта. В процессе исследования использовались методы сравнительного анализа, обобщений, классификации. Рассмотрены вопросы о специфике развития Уральской области в годы Первой пятилетки, в частности – ход реализации не только внутрорегиональной но и межрегиональной кооперации (ускоренного строительства предприятий, входивших в состав Урало-Кузбасского комбината).

Период нэпа стал временем разработки и начала реализации вариантов Первого пятилетнего плана, позволяющих решить многие задачи раннеиндустриальной модернизации на основе сохранения многоукладной экономики; взаимодействия плана и рынка. В региональном аспекте эти планы наиболее полно были разработаны в Уральской области. В какой степени эти планы оказались выполненными в годы Первой пятилетки? Ответы на поставленные вопросы составляют основу научной задачи.

Научная новизна. Впервые представлен вывод о степени реализации плана модернизации Уральской области в годы Первой пятилетки; указан комплекс причин, обусловивших ликвидацию Уральской области, отмечены последствия такого решения.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья выполнена при поддержке гранта 21-09-43024 СССР «Пространственное размещение промышленности СССР в годы предвоенных пятилеток: замысел и результат».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Урал, промышленность, пятилетка, область, комбинат, рациональность, размещение, план, регион, СССР.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Фельдман М.А. (2021). Уральская область в декабре 1923 – январе 1934 гг.: жизнь и судьба - пространственный аспект // . № 5. С. 1–11.

Методология проблемы пространственного размещения промышленности

Общепринятая парадигма размещения производительных сил, способствовавшая пониманию процессов размещения производства, сформировалась в мировой экономической науке на рубеже 1920–1930-х гг. в трудах

В. Кристаллера и учеников его школы. Парадигма трактовала размещение производительных сил (в частности отдельных предприятий) с микроэкономических, «точечных» позиций, а выбор конкретного оптимального местоположения предприятия связывался с ориентацией его на минимизацию затрат, которые

¹AuthorID РИНЦ: 460956

определяли три основных фактора — транспортный, трудовой и агломерационный.

В 1920-х гг. в СССР была разработана теория экономического ландшафта и рационального размещения промышленности, основанная на таком территориальном разделении труда, в рамках которого субъектами специализации выступают страны и отдельные регионы [3, с.113]. Исследователи приходили к выводу о том, что при соотношении территориальной организации промышленности и её пространственного размещения первое понятие шире и ее основными формами являются промышленные районы, комплексы и узлы [1, с. 32].

Эти сюжеты были рассмотрены в трудах Н. Н. Ковалевского. Для советского теоретика территориальной организации экономики было очевидно, что пространственное размещение промышленности (в рамках районной теории) предполагает «не только вертикальное и горизонтальное комбинирование, но говорит о пространственном сочетании производительных сил». За центральными органами управления закреплялись руководство межрайонными отношениями через структуры планирования; руководство транспортом и связью; разработку нормативной базы; контрольно-надзорные функции [13, с. 24, 26].

Период нэпа оставил методологические разработки, позволяющие на основе научных принципов выстраивать планы пространственного размещения промышленности.

Однако, уже на рубеже 1920–1930-х гг., по мере ужесточения авторитарного режима, Советский вариант теории пространственного размещения промышленности отталкивался от понимания задач централизованной плановой экономики с возрастающей абсолютизацией процессов управления. Последние включали экономическое районирование, разработку и реализацию Генеральных схем развития и размещения производительных сил, районные планировки, территориальное планирование и управление.

Реформа административно-территориального деления и рождение Уральской области

Реформа административно-территориального деления в СССР в 1923–1930 гг. представляла собой попытку найти оптимальное

соотношение властных полномочий между регионами и центральной властью. Укрупнение регионов, прежде всего, в формате областей, близких по своим административным границам к крупным экономическим районам, привело к укреплению региональных (областных) элит и росту их влияния на положение дел в стране. Это было необходимо для проведения масштабных политических, экономических и социальных преобразований в стране, связанных с нэпом.

В рамках административно-территориальной реформы в качестве первых двух областей были использованы промышленный Урал и сельскохозяйственный Северный Кавказ. В 1923 г. была создана Уральская область, разделенная на округа и районы, а в 1925 г. образован Северо-Кавказский край с таким же внутренним делением. Вскоре были созданы Сибирский (1925) и Дальневосточный (1926) края, Ленинградская (1927), Московская (1929) и Ивановская (1929) области. В 1928 г. закончилась реорганизация Центрально-Черноземной, Средне-Волжской и Нижне-Волжской областей, затем были созданы еще четыре области (Западная, Нижегородская, Центрально-Промышленная, Ивановская) и Северный край [14, с. 123].

Объединение на основе Постановления ВЦИК СССР от 03.11.1923 четырех губерний РСФСР (Пермской, Екатеринбургской, Челябинской и Тюменской) в единую Уральскую область превращало ее в своеобразный полигон для реализации новой экономической политики в индустриально-аграрном крае с площадью 1 659 тысяч км² и населением 6 380 тысяч человек.

Позицию советского руководства по отношению к создаваемым областям в докладе о районировании на XII съезде правящей партии в мае 1923 г. выразил председатель ВСНХ СССР, зам. председателя Совнаркома и СТО СССР А. И. Рыков. (С учётом того, что председатель Совнаркома В. И. Ленин был тяжело болен, в руках Рыкова сосредоточилось руководство всей деятельностью правительства.)

По заявлению Рыкова, «управлять страной, которая насчитывает более 130 млн жителей, управлять страной, которая охватывает одну шестую часть суши, управлять ею из Моск-

вы на основе бюрократического централизма невозможно» [8, с. 468]. Во многом это объяснялось тем, подчеркивал Рыков, что «у членов центрального правительства нет знания проблем на местах, и мы часто разрешаем их без полного учета той среды и той обстановки, в которой эти вопросы возникли... Большую часть текущих вопросов можно было бы передать на окончательное разрешение областных органов... Мне думается, что всё хозяйственное развитие нашей республики и будущая система административно-хозяйственной организации Советского государства должны будут покоиться на организации областей» [8, с. 474,477.]. Это, по мнению главы СНК СССР, не отменяло сочетания централизованного планирования и контроля за исполнением сверху с максимальной инициативой снизу.

Судя по тексту предисловия к «Обзору по итогам районирования Уральской области», изданного в Свердловске в 1924 г., руководство Уральской области ориентировалось на эти слова А. Н. Рыкова.

Уже первая областная конференция РКП(б) Уральской области в декабре 1923 г. показала достаточную степень реалистичности уральских лидеров по проблемам развития региона. В выступлении председателя Облисполкома Уральской области Д. Е. Сулимова было высказано предупреждение о предстоящей жесточайшей конкуренции металлургии Урала и Юга в силу того, что древесное топливо на Урале существенно дороже минерального топлива Донбасса. Это означало, что дореволюционная конкуренция регионов не исчезла, но «задрапировалась» в формате регионального развития внутри «социалистической экономики».

В силу этого, всё планирование развития Уральской области должно было учитывать необходимость не только выравнивания степени распределения производительных сил в стране, но и выхода на достаточный уровень самостоятельности и самодостаточности Уральского экономического района. Этим объясняется разработка первого в СССР перспективного плана развития экономики региона на долговременный период – «Генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия».

Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.

Исследователи, отмечая особенности Генерального плана, обоснованно указывали на нацеленность документа на комплексное развитие региона. Акцент на строительство заводокомбинатов на основании рационального использования сырья и полуфабрикатов касался основных отраслей уральской экономики. Даже с учетом того, что черная металлургия оставалась доминантой проекта. Декларированная в Генеральном плане кооперация уральских железных руд и угля Кузбасса, «благодаря дешевизне кузнецкого угля и его несравненным свойствам в качестве металлургического топлива» позволяла не только заметно снизить стоимость производимого на Урале металла, но и впервые за несколько десятилетий обеспечить способность местных производителей «успешно конкурировать с металлургическими заводами Украины» [5, с. 76]. Подобное утверждение базировалось на уверенности в том, что «крайнее разнообразие естественных богатств Урала открывает для него безграничные возможности для комбинированного производства. Нигде в Союзе принципы комбинирования не имеют таких благоприятных условий» [5, с. 78].

Генеральный план предполагал формирование нового облика промышленного Урала как «целостного лесозаготовительного, горного, металлургического, металлообрабатывающего, машиностроительного, лесобумажного, полихимического, строительного комбината» [5, с. 78] с учетом рационального размещения вблизи источников сырья и возможности кооперационных связей.

Важной особенностью рассматриваемого документа являлась нацеленность на постоянную «последовательную проработку» в соответствии с изменившимися условиями. Словно защищая Генеральный план от возможных обвинений в минимализме поставленных задач, его составители подчеркивали: «он в ряде случаев минимален, составлен с запасом и имеет скрытые возможности для большого развертывания. Возможны большие отклонения в связи с хозяйственными трудностями, например, в связи с военной опасностью, вследствие неурожая и т. д.» [5, с. IV].

По-новаторски звучало и положение Генерального плана: «детальные цифры имеют в генплане не самостоятельное, а служебное значение; они нужны для иллюстрации, обоснования и проверки». Как видно, индикаторный ряд в некоторых случаях минимален, составлен с запасом и имеет скрытые возможности для большого развертывания. Количественные характеристики – масштабы и темпы хозяйственного развития – были подчинены центральной задаче: выявлению оптимальных линий развития отраслей в рамках единого уральского промышленного комплекса в рамках Уральской области [5, с. IV–V].

Многие задачи Генерального плана были сохранены в «Пятилетнем плане развития народного хозяйства Союза ССР» в разделе, касающемся Уральской области. При этом впервые вводилась идея рассмотрения ряда областей (в частности, Урала и Донецко-Криворожского района) как «крупнейших территориально-промышленных комбинатов, обеспечивающих плановость и высокую эффективность затрат общественного труда» [18, с. 16].

Первая пятилетка и проблема пространственного размещения промышленности

Другим вектором пространственного размещения промышленности стало целенаправленное приоритетное размещение производственных мощностей в Восточных регионах СССР. Показательно, что на 01.10.1928 в трех старых промышленных районах (Центрально-промышленном районе, УССР и Ленинграде) были сосредоточены 65,3 % всех основных производственных фондов государственной промышленности, тогда как к концу Первой пятилетки их доля должна была существенно сократиться до 54,7 %. В то же время, по наметкам Первого пятилетнего плана, доля Уральской области в общесоюзном промышленном производстве стремительно возрастала с 4,27 до 10,36 %. Для достижения поставленной задачи Уральскому экономическому району выделялось 12,6 % всех всесоюзных капиталовложений [18, с. 38–40, 554–555, 562–563].

Заслугой Первого пятилетнего плана была постановка проблемы не только внутрирегиональной но и межрегиональной кооперации. Так, например, осенью 1928 г. Госплан разра-

ботал план ускоренного строительства предприятий, входивших в состав Урало-Кузбасского комбината [20, с. 177]. Однако период последующих месяцев – времени острой внутрипартийной борьбы – привел не только к безудержному росту количественных показателей пятилетнего плана, но и к перемене подходов к пространственному размещению промышленности. Если во второй половине 1920-х гг. руководство Уральской области рассматривало в качестве необходимого элемента региональной экономики создание производства заверщенного цикла, то в 1930-е такой проект не мог рассчитывать на поддержку со стороны руководства страны, поскольку основным принципом выделения экономического района стал признак его специализации во всесоюзном масштабе [20, с. 178].

Планы 1920-х гг., нацеленные на выявление и использование местных производственных возможностей были дезавуированы. Так, Постановление ЦК ВКП(б) от 15.05.1930 «О работе Уралмета» предлагало ВСНХ и Госплану в кратчайшие сроки разработать и представить в СНК единый жестко централизованный план развития металлургии, рудной, угольной и коксохимической отраслей промышленности в восточных районах страны

В конечном же счете ни один из вариантов создания единого УКК так и не был осуществлен в чистом виде [19, с. 415]. Фактически промышленный комплекс Урала в годы Первой пятилетки создавался под диктовку отраслевых наркоматов, формируя жесткую управленческую вертикаль, характерную для всех регионов СССР [2, с. 53]. Подобное явление, как препятствующее осуществлению метода межотраслевого и внутрирайонного комбинирования, получило критическую оценку ученых уже в начале 1930-х гг. [17].

Игнорирование экономических рычагов управления и массовые репрессии против специалистов (вызвавшие волну так называемого «спецедействия»), падение дисциплины на производстве привели к всестороннему кризису в советской экономике. В условиях нехватки специалистов и квалифицированных рабочих огромные капитальные вложения в индустрию СССР, сделанные в 1929–1930 гг., в зна-

чительной мере были заморожены в незавершенных стройках [22, с. 84, 206, 217–218].

Катастрофическое положение в экономике в 1931 г. было признано всеми членами Политбюро, включая Сталина, знавшими истинное положение с производительностью труда и качеством продукции, о порче и омертвлении огромных ресурсов в незавершенных стройках и бесполезных импортных заказах [21].

Реализацию государственной политики по сдвигу промышленности на Восток можно было проследить по такому критерию, как реальное расходование капиталовложений по регионам. Бесспорно, в реальной жизни распределение капиталовложений отличалось от плановых наметок. Приведем пример: в годы первой пятилетки в промышленность Уральской области намечалось вложить 12,4 % всех союзных капиталовложений. В реальности промышленность региона получила 7,8 %, т. е. в полтора раза меньше [18, с. 562, 563; 6, с. 560].

Замысел увеличить долю основного индустриального бастиона Восточных районов – Уральской области – в производстве промышленной продукции СССР за годы Первой пятилетки с 4,27 % до 10,36 % не увенчался успехом. Даже в 1937 г. Уральский экономический район произвел только 6,2 % всесоюзной промышленной продукции. Не случайно обширный раздел в «Итогах выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР» [12, с. 226–238] ограничивался информацией о росте доли восточных районов в добыче угля (с 19 % до 25,8 %) и производстве чугуна (с 21 % до 25 %).

Советские ученые-экономисты пытались изменить ход событий. В докладе работника Госплана В. Ф. Васютина «Урало-Кузбасс во втором пятилетии. Основные линии развития», прочитанном на Первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил, проходившей в Свердловске в апреле 1932 г., содержались научные подходы к пониманию задач планирования и реализации Урало-Кузбасского проекта. Урало-Кузбасс рассматривался, прежде всего, как пример масштабного межрайонного комбинирования, где каждое строящееся новое предприятие создавалось не изолированно, а в рамках единого хозяйственного комплекса [4, с. 8–9]. Судя по

тому, что доклад в переработанном и дополненном виде был издан отдельной брошюрой в Москве в том же 1932 г., его содержание было одобрено властными структурами, что отражало процесс определенного переосмысления руководителями СССР итогов первых лет пятилетки.

Метод комбинирования, разъяснял В. Ф. Васютин, включал в себя приближение к сто процентному использованию всех перерабатываемых веществ; максимальное комбинирование и использование всех видов энергии, комбинированное использование всех видов транспорта; внедрение элементов комбинирования в использование самого труда. Комбинирование в широких масштабах позволяло обеспечить подлинное использование всех достижений науки и техники, высокую эффективность производства [4, с. 5–6].

Доклад и брошюра В. Ф. Васютина указывали на задачи промышленности Восточных районов. В машиностроении ставилась задача строительства ряда новых специализированных комбинатов; проблема их кооперации адресовалась центральным плановым органам. При этом акцент делался не на кооперацию внутри машиностроительной отрасли в УСК, а между машиностроением УСК и машиностроением других частей СССР [4, с. 47–48].

Планы модернизации промышленности Уральской области, несмотря на деформацию не только количественных показателей, но и их сущности, позволили за годы Первой пятилетки значительно изменить лицо индустриального Урала. В этот период в Уральской области было построено 149 новых заводов и реконструированы 95 старых [9, с. 533]. Произошло расширение спектра машиностроительной продукции, появление значительного ряда машиностроительных предприятий в городах и рабочих поселках Урала, нередко на месте механических цехов, законсервированных после окончания участия России в Первой мировой войне. В 1933 г. на Урале работало свыше 500 металлообрабатывающих заводов, а удельный вес отрасли вырос с 12,8 % до 28,8 % к общему объему промышленной продукции края. Если на юге Уральской области были построены крупные предприятия черной металлургии (например, ММК и первый советский

завод ферросплавов в Челябинске), то на северо-западе – Соликамский калийный комбинат и крупнейший в СССР Березниковский химкомбинат. В западной части Уральской области были построены крупные медеплавильные заводы, ставшие основой цветной индустрии страны. В годы Первой пятилетки формирование единой уральской энергетической системы способствовало налаживанию технологических связей между отраслями [10, с. 92, 93].

В брошюре председателя Уралплана Г. К. Крумина говорилось о создании «современнейшего промышленного комплекса на Урале», в том числе «машиностроения, способного производить любое оборудование, вплоть до самого сложного и ответственного» [15, с. 3]. В брошюре подчеркивалось: «в период 1928–1932 гг. доля промышленности Уральской области в общесоюзном производстве выросла с 3,8 % до 5,4 %» [15, с. 7]. Однако управленцам было известно: диспропорции в развитии группы «А» и «Б» в уральской промышленности за пятилетку только возрастали – с восьмикратного разрыва в 1927/28 хоз. году до десятикратного в 1932 [18, с. 563].

В первый год Второй пятилетки Советское руководство вступало с иным опытом управления экономикой, чем в конце 1920-х гг. Период 1932–1933 гг. стал временем определенного прозрения как общесоюзного [20], так и уральского руководства. 24 января 1932 г. на Одиннадцатой партийной конференции коммунистов Уральской области первый секретарь уральского обкома ВКП(б) И. Д. Кабаков сообщил, что при плановом задании по выпуску промышленной продукции на 1931 г. стоимостью в 1360 млн руб. реальный выпуск не превысил и 655 млн руб. (или 48 %). Результат был показательный: он отражал глубину провала экономической политики, связанной с волюнтаристским увеличением заданий Первой пятилетки.

При этом выработка продукции по металлургическим заводам Урала даже сократилась: с 339 млн в 1930 до 320 млн руб. в 1931 г. Если говорить о росте промышленной продукции за 1929–1931 гг., ее выпуск увеличился не в разы, а (по официальным данным) на 55 % (на 46 % в 1929–1930 гг. и на 8 % в 1931 г.). [16, с. 4]. Руководитель коммунистов Уральской обла-

сти воздержался от обобщающей оценки, хотя при любых раскладах, даже без учета инфляционных процессов, такие показатели свидетельствовали о провале экономического курса и о кризисных явлениях в промышленности края.

Окончательные итоги Первой пятилетки в Уральской области должна была обсудить Двенадцатая Уральская областная конференция ВКП(б) (18–22 января 1934 г.) [7]. Она была самой короткой по продолжительности из всех областных аналогичных партийных форумов за время существования Уральской области в 1923–1934 гг. Можно выделить три причины, обусловившие такую «краткость».

Во-первых, конференция должна была обсудить итоги Первой пятилетки в Уральской области. Однако подводить неутешительные итоги пятилетия в традициях большевистской практики было принято под прикрытием секретности и густой завесы идеологических конструкций, при максимальной краткости информации.

Во-вторых, открытие конференции 18 января 1934 г. «случайно» совпало с опубликованием Постановления ЦИК СССР о разделении Уральской области на три региона: Свердловскую, Челябинскую и Обь-Иртышскую области. Сам факт такого решения и совпадение двух упомянутых событий свидетельствовали о недовольстве Сталина результатами работы руководителей Уральской области в годы первой пятилетки, хотя это был частный случай глобального невыполнения заданий Первой пятилетки в экономике СССР.

В-третьих (формально – в силу разделения Уральской области), делегаты не обсуждали перспектив развития Урала во второй пятилетке (1933–1937 гг.): уже во вступительном слове первый секретарь Уральского обкома ВКП(б) И. Д. Кабаков предложил снять вопрос «О контрольных цифрах народного хозяйства Урала на вторую пятилетку» [7, с. 6].

Определенная конфузность ситуации подтолкнула И. Д. Кабакова и его соратников к повышенной эмоциональности выступлений. В своей речи при открытии конференции региональный лидер годы Первой пятилетки в Уральской области назвал периодом «величайших исторических побед генеральной линии партии» во всех сферах жизни страны [7, с. 3].

Решение о разделении Уральской области на три области Кабаков представил как «акт величайшей большевистской мудрости» [7, с. 4].

Внешне Отчетный доклад первого секретаря Уральского обкома ВКП(б) по своей структуре мало чем отличался от предшествующих докладов на конференциях в 1930 г. и 1932 г. Обличение мирового кризиса в экономике капиталистических стран характеризовалось как свидетельство «загнивания капитализма», стремительно «катящегося к новому туру войн и революций» [7, с. 12].

Создание на Урале «мировых промышленных центров металла, химии, машин» и превращение Урала в один из «мощных передовых промышленных центров Советского Союза», подавалось и раньше – как «успехи социализма, достигнутые партией и пролетариатом за эти годы на Урале» [7, с. 16]. Новым моментом стало весьма далекое от научного, подчеркнуто карикатурное представление дореволюционной экономики Урала в качестве края с «отсталой, кустарной промышленностью» [7, с. 12]: так было легче микшировать провал произвольно завышенных планов Первой пятилетки и проще манипулировать с цифровыми показателями.

Даже в тех редких случаях, когда докладчик сообщал делегатам конференции какие-то обобщающие сведения, например, о построении и запуске в Уральской области двухсот новых крупных предприятий, многое оставалось неясным: степень выполнения пятилетнего плана; соотношение плановых и реальных расходов на строительство; качественные показатели строительства и работы промышленных предприятий; доля использования производственных мощностей. При этом типичная черта советской статистики – выборочное, фрагментарное предоставление статистических показателей – выглядело секретом Полишинеля, поскольку публикация пятилетних планов и их (многочисленных корректировок) предоставляла для специалистов возможность сравнить замысел и результат.

Отчетный доклад Уральского обкома ВКП(б) оперировал только данными за 1932 г. Выполнение плановых заданий в 1932 г. в ведущем секторе уральской экономики – отраслях тяжелой промышленности – всего на 83 % Ка-

баков самокритично расценил как проявление «наших неумелых управленческих действий» [7, с. 24–25]. Однако, в чем они заключались – делегаты так и не узнали: самокритичность регионального лидера имела вполне определенные границы.

Выход мог быть найден в предоставлении слова уральским ученым-специалистам экономики. Однако краткое выступление «делегации профессоров» ограничилось сообщениями о планах Уральского филиала Академии наук, а «рапорт слета ударников НИИ тяжелой промышленности», помимо многочисленных здравниц в честь «науки и техники социализма», в лучшем случае указывал на направления научной работы [7, с. 101–103].

Опыт предшествующих конференций; кризисные явления в уральской экономике начала 1930-х гг. обусловили тот факт, что полностью уйти от анализа событий Первой пятилетки на Двенадцатой областной партийной конференции все-таки не удалось. В докладе Уральской областной контрольной комиссии приводились многочисленные факты беспхозяйственности на уральских стройках. Даже лишенные указаний на конкретные строительные организации сообщение об использовании в 1930 г. «громадного парка строительных механизмов» только на 17,3 %, а к концу пятилетки (т. е. в 1932 г.) на 40–70 %, говорило о многом, и, в сопоставлении с информацией о «незадействованном оборудовании на заводских стройках на десятки миллионов рублей» [7, с. 62, 65], резонно вызывало вопрос о низком уровне организации строительных работ.

Следствием такой организации в строительстве стало, например, множество «лопнувших строительных фундаментов» только на сооружении УЗТМ [7, с. 63]. Никто из делегатов не пытался связать сложившуюся ситуацию в строительстве промышленных предприятий с неоднократно повышавшимися заданиями, неподкрепленными материально-техническими ресурсами. Незавершенное строительство промышленных объектов было характерной чертой последнего года Первой пятилетки.

Судя по материалам Второго пятилетнего плана, государственный курс на сдвиг промышленности на Восток должен был выпол-

няться более полно, чем в Первой пятилетке: так на развитие тяжелой промышленности Свердловской (вместе с Пермской) и Челябинской областей выделялось 17,6 % капиталовложений. Как видно, доля индустриального Урала в плановом распределении капиталовложений в промышленность СССР в сравнении с периодом первой пятилетки (12,6 %) возросла в 1,5 раза, при сокращении аналогичных капиталовложений в промышленность Украины с 26,1 % до 21, 2 %.

Показательно и другое: доля общесоюзных расходов на развитие тяжелой промышленности Урала (19,5 %) существенно (почти вдвое) превосходила долю расходов на весь народно-хозяйственный комплекс уральского региона (11,3 %) [6, с. 260], усиливая основы несбалансированности экономики Урала.

За годы второй пятилетки практически вдвое (с 5,7 % до 10,4 %) возросла доля капиталовложений в тяжелую промышленность Сибири и Дальнего Востока. Всего же в районы Урала, Сибири, Дальневосточного края, Закавказья и Средней Азии в период 1933–1937 гг. планировалось направить 40 % общих капитальных вложений в народное хозяйство [11, с. 14]. Особенность размещения производительных сил во второй пятилетке заключалась в постановке ряда крупных комплексных проблем, таких как развитие Урало-Кузбасского комбината, Освоение районов Севера; освоение Курской магнитной аномалии и др.

Можно только сожалеть, что выполнение этих задач проходило без использования потенциала крупных административных образований в формате областей, способных обес-

печивать более полную органическую увязку планов развития и размещения отраслей с комплексными планами.

Результаты

В рамках Уральской области впервые в СССР была обозначена задача создания совмещения развития административно-территориального образования и крупного экономического района и формирование на этой основе территориально-промышленных комбинатов, обеспечивающих плановость и высокую эффективность пространственного размещения промышленности. Реализация этого замысла пришлось на годы Первой пятилетки и позволила выполнить часть задач по созданию единого народно-хозяйственного комплекса на территории Уральской области, сочетавшего принципы централизованного управления и отдельные механизмы регионального самоуправления.

Однако необоснованный отказ от научных принципов планирования, от совмещения административно-территориальных единиц (областей) с границами крупных экономических районов, включая ликвидацию Уральской области в январе 1934 г., затруднил реализацию пятилетних планов. В наибольшей степени это касалось замысла о равномерном и рациональном принципе пространственного размещения промышленности. В результате ликвидации Уральской области были деформированы складывающееся отраслевое кооперирование и технологические связи между отраслями хозяйства; острее стали ощущаться недостатки в материально-техническом снабжении и квалифицированных кадрах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бакланов Т.Я. (2012). Территориальное размещение промышленности и ее региональное развитие // Вестник Арго. № 1. С. 32–49.
2. Бакунин А.В., Бедель А.Э. (1994). Уральский промышленный комплекс. Екатеринбург: Институт истории и археологии УРО РАН.
3. Бокарев Ю.П. (2012). Виртуально-пространственный подход в экономической экономики, вып. 1: Сборник статей. М. : Институт экономики РАН. С. 109–160.

4. Васютин В.Ф. (1932). Урало-Кузбасс во втором пятилетии. Основные линии развития (переработанный и дополненный доклад, прочитанный на первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил). М.-Л. Социально-экономическое издательство.
5. Генеральный план развития народного хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и период Первой пятилетки. Свердловск : Облплан. 1927.
6. Второй пятилетний план развития народ-

ного хозяйства СССР (1933–1937). Госплан. М. : Партиздат. 1939.

7. Двенадцатая Уральская областная конференция ВКП (б). Стенографический отчет. Свердловск : Партиздат. 1934.

8. Доклад Рыкова по вопросу о районировании 12 съезд РКП (б). Стенографический отчет. М. : Политиздат. 1968. С. 468–478.

9. История индустриализации Урала. Документы и материалы. 1926–1932 гг. Свердловск : Сред.-Урал кн. изд-во. 1967.

10. История народного хозяйства Урала. (1917–1945). Часть 1. Свердловск : Издательство Уральского государственного университета. 1988.

11. История социалистической экономики в семи томах. Т. 4. (1978). М. : Наука. 1978.

12. Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М.-Л. : Госплан. 1933.

13. Ковалевский Н.А. (1929). Районный разрез в пятилетнем плане // Плановое хозяйство. № 3. С. 53–90.

14. Коржихина Т.П. (1994). Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М. : РГГУ.

15. Крумин Г.К. (1933). Итоги первой пятилетки и контрольные цифры Урала на 1933 год. (Дополненная стенограмма доклада на объединенном пленуме Обкома и ОбЛКК КП(б) 22 января 1933 г.). Свердловск ; Москва : Партиздат. Уральское областное издательство.

16. Одиннадцатая Уральская областная конференция ВКП(б). 23 января – 30 января 1932 (в семнадцати бюллетенях). Свердловск : Партиздат (Уральское областное отделение). 1932.

17. Принципы географического размещения тяжелой промышленности во второй пятилетке. Сборник тезисов Института промышленно-экономических исследований к Первой конференции по размещению производительных сил. М. : Изд-во НКТП ССР. 1932.

18. Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. 3. М. : Плановое хозяйство. 1930.

19. Твердюкова Е.Д. (2010). Пространственное размещение промышленности и населения в СССР в 1930-е гг. // Центр и регионы в истории России. М. : Скифия-принт. С. 412–430.

20. Тимошенко А.И. (2010). Урало-Кузбасская проблема в дискуссиях и решениях Советского правительства // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Сборник статей и документов. Екатеринбург : Институт истории и археологии УрО РАН. С. 149–180.

21. Фельдман М.А. (2020). Трудная попытка осмысления (новый взгляд на события XVII конференции Всесоюзной Коммунистической партии (б) // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 27. № 1. С. 78–84.

22. Хлевнюк О.В. (2010). Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М. : РОС-СПЭН.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Фельдман Михаил Аркадьевич – Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); feldman-mih@yandex.ru.

URAL REGION IN DECEMBER 1923 – JANUARY 1934: LIFE AND FATE – SPATIAL ASPECT

М.А. Feldman^{2a}

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ABSTRACT:

The article analyzes archives and published materials and makes conclusions about the results of the creation of the Ural region during the reform of administrative-territorial division in the USSR in 1923–1930.

²RSCI AuthorID: 460956

Ten years of the existence of the Ural Region (December 1923–January 1934) were the time of an experiment to modernize the economy in the format of a planned spatial distribution of industry. The article discusses the role and significance of the first in the USSR "Master Plan of the Ural economy for the period of 1927–1941" aimed at the comprehensive development of the region and the construction of factories on the basis of the rational use of raw materials and semi-finished products in all major sectors of the Ural economy, though ferrous metallurgy remained the dominant project. The methods of comparative analysis, generalization and classification were used in the research process.

The issues of the development of the Ural region during the First Five-year Plan are analyzed. Particular attention is paid to the implementation of not only intraregional but also interregional cooperation (accelerated construction of enterprises that were part of the Ural-Kuzbass Combine).

The Nep period was the time when the First Five-Year Plan options were developed and implemented, allowing to solve many problems of early industrial modernization on the basis of maintaining a multi-layered economy; interaction of the plan and the market. In the regional aspect, these plans were most fully developed in the Ural region. To what extent were these plans implemented during the First Five-year Plan? The answer to this question forms the basis of the scientific problem.

Scientific novelty. This research makes a conclusion about the degree of implementation of the modernization plan of the Ural region in the First Five-year plan; it outlines a set of reasons that led to the liquidation of the Ural region, and describes the consequences of such a decision.

FUNDING: The reported study was funded by the grant 21-09-43024 USSR "Spatial distribution of the USSR industry in the years of the pre-war five-year plans: idea and result"

KEYWORDS: Ural, industry, five-year plan, oblast, combine, rationality, location, plan, region, the USSR.

FOR CITATION: Feldman M.A. (2021). Ural region in December 1923 – January 1934: life and fate – spatial aspect, , no. 5, pp. 1–11.

REFERENCES

1. Baklanov T.A. (2012). Territorial placement of industry and its regional development, *Argo Bulletin*, no. 1, pp. 32–49.
2. Bakunin A.V., Bedel A.E. (1994). Ural industrial complex. Ekaterinburg: Institute for History and Archeology of the RAS Ural Branch.
3. Bokarev Yu.P. (2012). A virtual-spatial approach in the economic economy. Issue 1. Collection of articles. Moscow: Institute of Economics of RAS. Pp. 109–160.
4. Vasyutin V.F. (1932). Urals and Kuzbass in the second five years. The main development lines (revised and augmented report read on the first All-Union Conference on the Placing Productive Forces). Moscow–Leningrad. Socio-economic Publishing House.
5. The general plan for the development of the national economy of the Urals for the period 1927–1941 and the first five-year period. Sverdlovsk: OblPlan. 1927.
6. The second five-year plan for the development of the national economy of the USSR (1933–1937). GosPlan. Moscow: Partisdat. 1939.
7. Twelfth Ural Regional SCP Conference. Stenographic report. Sverdlovsk: Partisdat. 1934.
8. Rykov report on the issue of zoning. 12 RCP Congress. Stenographic report. Moscow: Politicize. 1968. Pp. 468–478.
9. The history of the industrialization of the Urals. Documents and materials. 1926–1932. Sverdlovsk: Middle Ural Book Publishing House. 1967.
10. History of the national economy of the Urals. (1917–1945). Part 1. Sverdlovsk: Publishing House of the Ural State University. 1988.
11. History of the socialist economy in seven volumes. Vol. 4. (1978). Moscow: Science. 1978.
12. The results of the fulfillment of the first five-year plan of development of the national economy of the USSR. Moscow–Leningrad. GosPlan. 1933.
13. Kovalevsky N.A. (1929). District incision in the five-year plan, *Planned economy*, no. 3, pp. 53–90.
14. Korzhikhina T.P. (1994). Soviet state and its institutions: November 1917 – December 1991. Moscow: RGGU.
15. Krumin G.K. (1933). The results of the first five-year plan and the control indicators of the Urals

for 1933. (Supplemented transcript of the report at the joint plenum of the Regional Committee and the OblKK of the CP. January 22, 1933). Sverdlovsk; Moscow: PartIzdat. Ural Regional Publishing House.

16. Eleventh Ural Regional SCP Conference. January 23 – January 30, 1932 (in seventeen bulletins). Sverdlovsk: PartIzdat (Ural Regional Office). 1932.

17. Principles of geographical placement of heavy industry in the second five-year plan. Collection of theses of the Institute of Industrial and Economic Research to the first conference on the placement of productive forces. Moscow: Publishing House of NKTP SSR. 1932.

18. Five-year plan of people's economic construction of the USSR. Vol. 3. Moscow: Planovoe Khozyaystvo. 1930.

19. Tverdyukova E.D. (2010). Spatial placement

of the industry and population in the USSR in the 1930s, *Center and regions in the history of Russia*. Moscow: Scythia-Print. Pp. 412–430.

20. Timoshenko A.I. (2010). The Ural-Kuzbass problem in the discussions and decisions of the Soviet government. In: Collection of articles and documents “Ural-Kuzbass: from the plan for implementation”. Ekaterinburg: Institute for History and Archeology of the RAS Ural Branch. Pp. 149–180.

21. Feldman M.A. (2020). A difficult attempt to understand (a new look at the events of the XVII Conference of the All-Union Communist Party), *Humanitarian sciences in Siberia*, vol. 27, no. 1, pp. 78–84.

22. Khlevnyuk O.V. (2010). Dominus. Stalin and the approval of the Stalin dictatorship. Moscow: ROSSPEN.

AUTHORS' INFORMATION:

Mikhail A. Feldman – Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); feldman-mih@yandex.ru.